

УДК 821.112.2-398.23:81'373.42

К ВОПРОСУ О РАЗНОВИДНОСТЯХ КАЛАМБУРА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ БЫТОВОМ АНЕКДОТЕ

Наталья Дмитриевна Миловская

доцент кафедры немецкой филологии

Ивановский государственный университет

153012, Иваново, ул. 10 Августа, 65. milnatdm@yandex.ru

В массе каламбуров, реализующих свой юмористический потенциал в немецком языковом бытовом анекдоте *Wortwitz*, выделяются три устойчиво наблюдаемые разновидности. В результате проведенного исследования устанавливаются конституирующие характеристики каламбуров всех типов и средства языковой репрезентации каждой разновидности.

Ключевые слова: языковой бытовой анекдот; каламбур; синтаксический рисунок; двуслойность семантики.

Бытовым анекдотом в данном исследовании называется немецкий *Witz*, интерпретируемый как «кратко и остроумно изложенное сообщение о комической ситуации из повседневной, бытовой жизни типизированного в менталитете представителей одного этноса персонажа, обретающее в финале неожиданную, ошеломляющую и разрушающую стереотипы традиционного восприятия интерпретацию, создающую комический эффект» [Миловская 2008: 9].

В связи с признанием исследователями [Девкин 1998: 8; Санников 1999: 30-31; Macha 1992: 17] различий «между комическим, которое слово выражает, и комическим, которое речь создаёт» [Бергсон 1992: 68], в общем фонде немецких бытовых анекдотов *Witz* предметные / ситуативные бытовые анекдоты *Sachwitz* строго отграничиваются от *языковых* бытовых анекдотов *Wortwitz*.

Важнейшая конституирующая характеристика немецких языковых бытовых анекдотов *Wortwitz* усматривается в том, что они прежде всего обнаруживают явно ощутимую интенцию рассмешить реципиента, опираясь на смеховое осмысление семантического и синтаксико-конструктивного потенциала немецкого языка. Сопутствующей может быть интенция привлечения внимания, например, к дисгармоничному повседневному, бытовому взаимодействию членов социума [Москалёва 2010] или к дисгармоничным феноменам в современном мироустройстве [Миловская 2009: 80–83]. Это означает, что формирование пуанты в немецком языковом бытовом анекдоте *Wortwitz* сопряжено с воспроизведением определённых опорных лексем, ко-

торые и дают анекдоту жизнь и без которых анекдот не «зажигает» реципиента и не вызывает юмористического эффекта и смеха. Свежие и оригинальные, хитроумные и затейливые, к тому же комически комбинируемые, опорные лексемы нередко формируют каламбур, успешное декодирование которого позволяет реципиенту при осмыслении анекдота испытать удовольствие чисто семиотической природы [Зализняк 2004: 25].

Каламбур, украшающий немецкий бытовой языковой анекдот (ЯзБА), представляет собой языкотворческий и лингвокреативный эксперимент, осуществляемый с целью создания остроты, вызывающий смеховую реакцию реципиента, имеющий стилистически маркированный синтаксический рисунок, юмористически обыгрывающий на его структурно-синтаксической основе двуслойный семантический потенциал опорных лексем (или более крупных опорных фрагментов) и содержательный потенциал стоящих за ними образов-концептов.

Эффектные и яркие в эстетическом плане каламбуры, бытующие в немецких ЯзБА, целесообразно рассматривать в границах трёх репрезентативных групп с учётом структурно-синтаксической модели фигуры речи, послужившей их основой.

Очень интересны ЯзБА с *каламбурами*, развёртывающимися на структурно-синтаксической основе фигуры *антитеза*. Напомним, что под антитезой (*греч.* antithesis – противоположение) принято понимать стилистическую фигуру, служащую для усиления выразительности речи пу-

тём резкого противопоставления понятий, мыслей, образов [Розенталь, Теленкова 1985: 18].

Каламбуры, построенные на структурно-синтаксической основе антитезы, доминируют в общем корпусе нашего фактического материала. Популярность каламбуров данного типа, думается, имеет своё объяснение. С одной стороны, противопоставление образов-концептов в границах антитезы есть исконный приём осмысления действительности человеком как субъектом речи. С другой стороны, противопоставление образов-концептов, акцентирующее их определённую комическую «противоположенность» (несовместимость, несоответствие), представляет собой благодатную почву для создания юмористического эффекта. Средства языковой репрезентации комически «противоположенных» образов-концептов на полюсах антитезы в каламбурах из немецких ЯзБА различны.

Так, в следующем ЯзБА мощный юмористический эффект производит каламбур, в котором оппозитивно «противоположенные» (через союз *aber*) образы-концепты на полюсах антитезы представлены узуальной ФЕ *jmdm. ist eine Laus über die Leber gelaufen* и окказиональной ФЕ *jmdm. ist das Finanzamt über die Brieftasche gelaufen*. (1). «„Nanu, Herr Bollmann, was machen Sie denn für ein betrübtes Gesicht? Ist Ihnen eine Laus über die Leber gelaufen?“ „Nein, das nicht, aber das Finanzamt über die Brieftasche“». Отвечая на вопрос, какая муха его укусила и почему у него такое кислое лицо, господин Больманн, один из персонажей анекдота, целенаправленно, но творчески, обыгрывает услышанную в вопросе ФЕ *jmdm. ist eine Laus über die Leber gelaufen*. Однако он не трансформирует её путём замены компонентов, не переиначивает её структуру (например, путём семантической/ролевой инверсии), не формирует новую ФЕ путём контаминации. Ему удаётся создать эксклюзивную окказиональную ФЕ *jmdm. ist das Finanzamt über die Brieftasche gelaufen* по модели ФЕ, прозвучавшей в вопросе, что само по себе уже расценивается лингвистами как смелое игровое языковое экспериментирование [Третьякова 2004: 84–86; Александрова 2004: 89–91]. Осмысление же намеренно созданного, неожиданного и повергающего в шок образа-концепта, реализуемого в формате окказиональной ФЕ, сквозь призму известного образа-концепта, реализуемого в формате узуальной ФЕ, придаёт языковому игровому эксперименту характер яркого каламбура.

В следующем ЯзБА образы-концепты на полюсах антитезы представлены ФЕ *einen Grundstein legen* и устойчивым глагольным сочетанием нефразеологического типа *ein Ein legen*. (2).

«„Unsere Hühner“, erzählt der Sohn eines Kolchosbauern, „legen jeden Tag ein Ein“. „Das ist doch gar nichts“, erwidert der Sohn eines Architekten gering-schätzig. „Mein Vater legt jeden Tag einen Grundstein“». Их намеренное комическое обыгрывание на фоне друг друга как противопоставленных в границах антитезы формирует эффектный каламбур.

В немецких языковых бытовых анекдотах обнаруживается определённая тенденция к репрезентации комически «противоположенных» образов-концептов на полюсах каламбура, построенного по структурно-синтаксической модели антитезы, узуальной ФЕ и родственным или неродственным свободным глагольным словосочетанием.

Так, образ-концепт *всё вокруг (не совсем) спокойно*, репрезентируемый (незначительно преобразованной) узуальной ФЕ *die Luft ist (mal nicht) rein*, и образ-концепт *воздух чистый*, репрезентируемый свободным словосочетанием *die Luft ist rein*, заполняют полюса каламбура со структурно-синтаксическим рисунком антитезы в ЯзБА, посвящённом теме ночного отдыха и сна, которую обсуждают две соседки. (3). «Zwei Nachbarinnen unter sich: „Mein Mann und ich schlafen nur bei geöffnetem Fenster, damit die Luft rein ist“. Die andere: „Mein Freund und ich schlafen stets bei geöffneter Schranktür, falls die Luft mal nicht rein ist“». Первая соседка сообщает, что они с мужем спят при открытом окне, чтобы в комнате был свежий воздух *damit die Luft rein ist*. Можно предположить, что семейные проблемы второй соседки сложнее. Но она воспринимает их с легким юмором, поэтому реагирует лингвистически изобретательно и находчиво: ей с её другом приходится спать при открытой двери шкафа на тот случай, если вокруг вдруг станет не совсем спокойно. При этом в её ответе имеет место лингвокреативное «перекодирование» воспринятого образа-концепта *воздух чистый* из фрагмента реплики подруги *damit die Luft rein ist*, в основе которого лежит свободное словосочетание *die Luft ist rein*, в образ-концепт *всё вокруг (не совсем) спокойно* (понимай так: *если придёт муж и возлюбленному придётся срочно прятаться в шкаф*), репрезентируемый ФЕ *die Luft ist mal nicht rein* во фрагменте речи *falls die Luft mal nicht rein ist*. Понятно, что этот яркий каламбур формируется в данном случае благодаря комическому обыгрыванию образа-концепта, актуализируемого узуальной ФЕ *die Luft ist (mal nicht) rein*, на фоне образа-концепта, актуализируемого родственным и идентичным по своему компонентному составу свободным словосочетанием *die Luft ist rein*.

Другой выразительный пример каламбура демонстрирует следующий анекдот. (4). «*„Mein Mann ist furchtbar!“* *„Ach ja?“* *„Kaum bin ich mal aus dem Haus, da ist er ganz aus dem Häuschen!“*» В нём имеет место обыгрывание образа-концепта *выходить из себя ~ быть вне себя ~ сходить с ума*, репрезентируемого узуальной ФЕ *ganz aus dem Häuschen sein*, сквозь призму образа-концепта *уходить из дома*, репрезентируемого частично подобным по своему компонентному составу свободным словосочетанием *aus dem Haus sein*, что и акцентирует их комическую «противоположенность».

В следующем ЯзБА на тему «Невыполненное обещание» для нас представляют интерес опорные фрагменты *die Sterne vom Himmel holen* (ФЕ) и *Bier aus dem Keller holen* (свободное словосочетание) и реализуемые ими образы-концепты. (5). «*„Vor der Hochzeit hat mein Mann versprochen, dass er mir die Sterne vom Himmel holt – jetzt will er nicht einmal sein Bier aus dem Keller holen!“* klagt Elfriede ihrer Freundin. *„Meiner hat das Wort gehalten“*, erwidert diese. *„Er hat mir gesagt, ich würde wie im Paradies leben – und jetzt habe ich wirklich nichts anzuziehen!“*» К их осмыслению как оппозитивно «противоположенных» на полюсах антитезы мотивирует сюжетная линия рассказа Эльфриды, в которой присутствует чёткое разграничение жизненного пути: *vor der Hochzeit* и *jetzt (nach der Hochzeit)*. Эффект каламбура формируется благодаря комическому соотношению через отношение «противоположенности» образа-концепта, представленного узуальной ФЕ *die Sterne vom Himmel holen*, и образа-концепта, представленного неродственным и мало похожим по своему компонентному составу свободным словосочетанием *Bier aus dem Keller holen*.

Не менее убедителен каламбур в следующем ЯзБА. (6). «*„Hat sich dein Mann im Laufe eurer Ehe verändert?“* *„Kann man wohl sagen. Früher erzählte er mir, was er auf dem Herzen hatte, und heute spricht er nur noch von seiner Leber!“*» В нём на полюсах антитезы комически обыгрывается образ-концепт, реализуемый через узуальную ФЕ *auf dem Herzen haben*, на фоне образа-концепта, реализуемого через совсем непохожее по своему компонентному составу свободное словосочетание *von seiner Leber sprechen*.

Общий фонд каламбуров, зафиксированных в немецких ЯзБА, пополняют каламбуры, развёртывающиеся на структурно-синтаксической основе стилистической фигуры *хиазм*. Однако каламбуры данного типа менее многочисленны.

Немецкие лингвисты В.Флейшер и Г.Михель [Fleischer, Michel 1977] предлагают стилистиче-

ской фигуре хиазм (*der Chiasmus*) следующее толкование: «*Der entgegengesetzend oder kreuzend figurierte Satzbau wird Chiasmus genannt*» [Fleischer, Michel 1977: 173]. Имея в виду, что хиазм образуется «перекрещиванием», переменной позиций повторяющихся компонентов двух смежных отрезков текста, под речевой фигурой хиазм традиционно понимаем стилистическую фигуру противоположности, возникающую в результате параллельного перекрёстного повтора и являющуюся разновидностью антитезы [Brandes 1990: 298].

В предлагаемом далее ЯзБА в параллельный перекрёстный повтор вовлекаются слово-омонимы *das Gericht = als Mahlzeit zubereitete Speise; das Gericht = öffentliche Institution, die Verstöße gegen die Gesetze bestraft und Streitigkeiten schlichtet* и личное местоимение *er (ihn)*. (7). «*Zwei alte ausgediente Berufsverbrecher saßen im Restaurant und wollten essen. Nachdem der eine schon halbe Stunde die Speisekarte studierte, sagte der andere: „Wie lange brauchst du denn noch?“ Da kam ein Wanderer des Weges und sagte: „Früher haben sich die Gerichte für ihn interessiert, jetzt interessiert er sich für die Gerichte“*». Смена позиций повторяющихся компонентов *das Gericht* и *er (ihn)* из двух смежных отрезков текста убеждает в том, что обыгрывание опорных лексем в семантическом пространстве исходного опорного фрагмента *Früher haben sich die Gerichte für ihn interessiert* (где *die Gerichte* предшествует *für ihn*) и альтернативного переформатированного опорного фрагмента *jetzt interessiert er sich für die Gerichte* (где *er* предшествует *für die Gerichte*) запускает механизм когнитивного процесса «оценивания» парадоксальности образа-концепта, представленного альтернативным переформатированным опорным фрагментом анекдота на фоне образа-концепта, представленного его исходным опорным фрагментом.

Известная непрозрачность и «зашифрованность» данного каламбура на уровне семантики, связанная с необходимостью декодирования образов-концептов то / то ли из перспективы значения слова-омонима *das Gericht = als Mahlzeit zubereitete Speise*, то / то ли из перспективы значения слова-омонима *das Gericht = öffentliche Institution, die Verstöße gegen die Gesetze bestraft und Streitigkeiten schlichtet*, повышает его содержательную ребусность.

Понятно, что каламбур, обладающий такой двуслойной семантикой, осложняемый к тому же маркированным синтаксисом, потребует от реципиента дополнительной лингво-когнитивной активности по декодированию скрытого в нём смысла.

В корпусе собранного практического материала зафиксирован также ЯзБА, украшенный каламбуром, построенным на структурной основе речевой фигуры хиазм, с участием ФЕ и свободного словосочетания, семантическое и структурное наполнение которых одинаково. (8). «Fremder vor dem Tor zur Irrenanstalt: „Verzeihung, bin ich hier richtig?“ Pfortner: „Wenn Sie richtig sind, sind Sie nicht richtig, wenn Sie aber nicht richtig sind, sind Sie richtig“». В данном случае опорными лексемами анекдота и каламбура является ФЕ *richtig sein = nicht verrückt sein, geistig gesund sein*, выступающая в паре со свободным словосочетанием *nicht richtig sein = irgendwo nicht richtig sein, irgendwohin falsch geraten*, и ФЕ *nicht richtig sein = verrückt sein, geistig nicht gesund sein*, выступающая в паре со свободным словосочетанием *richtig sein = irgendwo richtig sein, irgendwohin richtig geraten*.

Семантическая непрозрачность данного языкотворческого эксперимента связана с необходимостью переключения лингво-когнитивного внимания реципиента в пределах последовательности значений *nicht verrückt sein ~ nicht richtig sein* и *verrückt sein ~ richtig sein*.

Расположение опорных лексем по отношению друг к другу в двух смежных отрезках текста демонстрирует, с одной стороны, их повторяемость, а с другой стороны, перемену их позиций. Обыгрываемое «перекрещивание» опорных лексем *richtig sein* и *nicht richtig sein* в границах исходного опорного фрагмента *Wenn Sie richtig sind, sind Sie nicht richtig* и опорных лексем *nicht richtig sein* и *richtig sein* в границах альтернативного опорного фрагмента *wenn Sie aber nicht richtig sind, sind Sie richtig* с неизбежностью побуждает реципиента к осмыслению парадоксальности образа-концепта, представленного альтернативным переформатированным опорным фрагментом анекдота на фоне образа-концепта, представленного его исходным опорным фрагментом.

Непрозрачность семантики, её «искусная вербальная аранжировка» [Шувалов 2005: 438] и усложнённый, стилистически маркированный синтаксис данного каламбура предполагают более активные лингво-креативные усилия реципиента по его декодированию.

Спектр разновидностей *каламбуров*, реализуемых в немецком ЯзБА, дополняют каламбуры, развёртывающиеся на структурно-синтаксической основе стилистической фигуры *зевгма*.

Феномен зевгмы, с давних времён привлекающий внимание исследователей, до настоящего времени получает противоречивые толкова-

ния. Под зевгмой принято понимать фигуру речи, создающую юмористический эффект в силу грамматической или семантической разнородности и несовместимости сочетаний, возникающих благодаря тому, что слово, образующее однотипные сочетания с несколькими разными словами, фигурирует в высказывании только один раз.

Более точные формулировки феномена зевгмы присутствуют в трудах отечественных и зарубежных учёных-стилистов. Так Э.Ризель и Е.Шендельс полагают, что зевгма – это «die bewußte Vereinigung begrifflich unvereinbarer Wörter, grammatisch durch gleichartige Satzglieder ausgedrückt» [Riesel, Schendels 1975: 259]. Как «фигуру языкового комизма, которая представляет собой синтаксическое объединение двух семантически несовместимых членов предложения», определяет зевгму М.П.Брандес [Brandes 1990: 297].

Д.Фаульзайт и Г.Кюн лаконично определяют зевгму (das Zeugma) как «unlogische Verbindung zweier Dingwörter mit einem gemeinsamen Tätigkeitswort» [Faulseit, Kühn 1963: 102]. В.Флейшер и Г.Михель подчёркивают, что зевгма (griech. *zeugma* ‘das Joch’) «ist durch Ersparung syntaktischer Elemente und zwar speziell im Falle der Koordinierung bedingt». Однако эти авторы считают целесообразным различать также зевгму в узком смысле, которую называют силлепсисом (die Syllepse) (griech. *syllipsis* ‘das Zusammenschall’). При этом эти авторы понимают именно силлепсис, т.е. зевгму в узком смысле слова, как «Verbindung eines mehrdeutigen Wortes mit ... zwei oder mehreren anderen Wörtern, die verschiedenen Bedeutungsebenen (mitunter auch syntaktischen Ebenen) angehören» [Fleischer, Michel 1977: 180].

Как видим, согласно мнениям этих стилистов, о зевгме следует говорить в тех случаях, когда одно слово грамматически связывается с двумя или несколькими словами, хотя по смыслу оно относится только к одному из них или относится к ним в разных смыслах, как грамматическое согласование двух слов, обладающих оппозитивными семами.

Однако интересны труды, в которых зевгма подверглась более детальному изучению [Береговская 1985; Лукьянов 1993, 2000]. Так Э.М.Береговская утверждает: «Зевгма – это экспрессивная синтаксическая конструкция, которая состоит из ядерного слова и зависящих от него однородных членов предложения, равноценных грамматически, но семантически разноплановых, вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно актуализируются ми-

нимум два разных значения или смысловых оттенка» [Береговская 1985: 60].

С.А. Лукьянов [Лукьянов 1993] предлагает классификацию зевгматических построений, в которой выделяет две группы. К первой группе он относит построения, образованные окказиональным сочинением (в ядерном слове актуализируется одно значение) с нарушением либо только смысловой однородности слов в сочинительной цепочке, либо с нарушением и смысловой, и синтаксической однородности слов в сочинительной цепочке. Ко второй группе этот автор относит зевгматические построения, образованные способом синтаксической аппликации (в опорном слове актуализируются разные значения) словосочетаний, словосочетаний и ФЕ, только фразеологизмов.

Принимая комментарии этого учёного как убедительные, проанализируем следующий пример. (9). «Wütend wendet sich der Schriftsteller an den Kritiker: „Wie können Sie es sich erlauben, meinen neuen Roman ein Bruchstück zu nennen?“ „Weil es die Wahrheit ist. In Ihrem Werk *bricht* der Mann *sein Wort*, die Frau *die Ehe*, die Tochter *die Herzen der Männer*, die Großmutter *das Knie* und schlussendlich *eine ganze Welt zusammen*“». Данный анекдот украшает каламбур, образованный способом синтаксической аппликации, т.е. наложением фразеологизмов *sein Wort brechen*, *die Ehe brechen*, *die Herzen (der Männer) brechen*, стоящего чуть особняком фразеологизма *für jmdn. bricht eine Welt zusammen* и свободного глагольного словосочетания *das Knie brechen*. Опорное слово *brechen* в данном случае является не просто словом в обычном его толковании. Под одним формальным знаком совмещаются одна из реализаций лексемы *brechen* (*etw. Hartes, Sprödes durch starken Druck, durch Anwendung von Gewalt in [zwei] Stücke teilen, durchtrennen*), имеющая место в глагольном словосочетании *das Knie brechen*, и четыре реализации этого же глагола в четырёх ФЕ, имеющие значение только в составе ФЕ (поскольку значения слова *brechen* поглощаются фразеологическими значениями соответствующих ФЕ *sein Wort brechen*, *die Ehe brechen*, *die Herzen (der Männer) brechen*, *für jmdn. bricht eine Welt zusammen*). Понятно, что в таком случае в глаголе *brechen* ощущается определённая нечёткость и зашифрованность на уровне семантики.

Опорные компоненты *sein Wort*, *die Ehe*, *die Herzen (der Männer)*, *das Knie* являются семантически разнородными и – равно как и представляемые ими образы-концепты – способствуют нарушению смысловой однородности сочинительного ряда и усилению семантической ано-

мальности всего каламбурного эксперимента. Последнее же звено сочинительного ряда, представленное ФЕ *eine Welt bricht (für jmdn.) zusammen*, задерживает на себе внимание реципиента особым образом. В отличие от предшествующих этот последний компонент нарушает не только семантическую, но и грамматическую и синтаксическую однотипность управляемого сочинительного ряда, чем ещё более способствует искомой смысловой разбалансированности каламбура.

Как видим, сложность декодирования данного словесного эксперимента на уровне семантики, связанная с необходимостью одновременного оживления в ядерном глаголе *brechen* одного лексического и четырёх фразеологических значений, ещё более усиливается его усложнённым синтаксическим рисунком, в котором реализуется цепочка из нескольких семантически разнородных, а грамматически однотипных и неоднотипных членов сочинительного ряда «в связке» с ядерным словом *brechen*, не входящим в данный паратактический ряд, но связанным гипотактическими отношениями с каждым из его членов. В случае успешного декодирования данного каламбура реципиента вознаграждает чувство уверенности в своей способности к языкотворческой и лингвокреативной деятельности.

Итак, наблюдения над немецкими ЯЗБА позволяют различать три устойчиво повторяющиеся в них разновидности каламбура: каламбуры со структурно-синтаксическим рисунком антитезы, хиазма, зевгмы.

В немецких ЯЗБА в каламбурах со структурно-синтаксическим рисунком антитезы имеет место обыгрывание на фоне друг друга комически противопоставленных образов-концептов. Образ-концепт на одном полюсе антитезы репрезентируется узуальной ФЕ. Образ-концепт на другом полюсе антитезы репрезентируется либо окказиональной ФЕ, либо устойчивым глагольным словосочетанием нефразеологического типа, либо родственным (идентичным по компонентному составу) или неродственным (менее похожим или совсем непохожим по компонентному составу) свободным глагольным словосочетанием.

В немецких ЯЗБА в каламбурах со структурно-синтаксическим рисунком фигуры хиазм образ-концепт исходного опорного фрагмента обыгрывается, шокируя реципиента парадоксальностью, на фоне образа-«перевертыша» «перереформированного» опорного фрагмента. В каламбурах данного типа в параллельный перекрёстный повтор вовлекаются слова-омонимы и личное местоимение, а также ФЕ и свободное

словосочетание (идентичные по компонентному составу).

В немецких ЯзБА в каламбурах со структурно-синтаксическим рисунком зевгмы на фоне друг друга обыгрываются сопряженные через глагольный компонент уплотнённой семантики образы-концепты, ошеломляющие реципиента своей несовместимостью (а иногда и смысловой аномальностью) в реализуемом сочинительном ряду. В каламбурах этого типа зафиксированы фразеологические единицы вкупе со свободным глагольным словосочетанием.

Конституирующими характеристиками каламбуров всех типов являются их а) ребусность и двуслойность (зашифрованность) семантики; б) стилистическая маркированность синтаксического рисунка; в) более зрелый уровень лингвистической эстетики.

Список литературы

Александрова Л.Н. Фразеология как средство создания языковой игры в прессе // Проблемы фразеологической и лексической семантики. М.: ООО «ИТИТЕХНОЛОГИИ», 2004. С.89–91

Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.

Береговская Э.М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. №5. С.52–61.

Девкин В.Д. Занимательная лексикология: Worthumог = Язык и юмор: Пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа. М.: ВЛАДОС, 1998. 311 с.

Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45.

Лукьянов С.А. О классификации зевгматических конструкций // Филологические науки. 1993. № 1. С.70–79

Лукьянов С.А. Аппликативный каламбур в стихотворениях А.С. Пушкина // Филологические науки. 2000. № 1. С.84–94.

Миловская Н.Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот (на материале немецкого языка). Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. 137 с.

Миловская Н.Д. Игра слов как инструмент критики в немецком языковом бытовом анекдоте // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 4. С.80–83.

Москалёва С.И. Лингвистические способы создания комического в некооперативном речевом общении (на материале немецких языковых бытовых анекдотов): автореф. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. 20 с.

Розенталь Д.З. Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 541 с.

Третьякова И.Ю. Образность окказиональных фразеологизмов // Проблемы фразеологической и лексической семантики. М.: ООО «ИТИТЕХНОЛОГИИ», 2004. С. 84–86.

Шувалов В.И. Ироюмористический ингредиент комического // Слово в языке и речи: аспекты изучения. Материалы международной научной конференции к юбилею проф. В.Д.Девкина. М.: Прометей, 2005. С.435–443.

Brandes M.P. Stilistik der deutschen Sprache. М.: Высшая школа, 1990. 320 с.

Faulseit D. Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. Haale (Saale): Verlag Sprache und Literatur, 1963. 320 S.

Fleischer W. Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1977. 394 S.

Macha J. Sprache und Witz. Die komische Kraft der Wörter. Bonn: Dümmler-Verlag, 1992. 125 S.

Riesel E. Schendels E. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Verlag Hochschule, 1975. 316 S.

TO THE PROBLEM OF TYPES OF PUN IN GERMAN LINGUISTIC POPULAR JOKE

Natalya D. Milovskaya

Associate Professor of German Philology Department
Ivanovo State University

Within the amount of puns realizing its potential in the German linguistic popular joke “Wortwitz” three stable-observed types are distinguished. The research revealed that there are the constituent characteristics of all types of the puns and there are particular means of linguistic representation of each type of pun which are described in the work.

Key words: linguistic popular joke; pun; syntactic structure; two-layer semantics.